

Политический либерализм в контексте русской истории: опыт Павла Милюкова

Стенограмма Круглого стола

27.02.2012

Очередной Круглый стол, проведенный нами совместно с Фондом «Русское либеральное наследие», был посвящен политическому и научному наследию П.Н. Милюкова. Участникам обсуждения были предложены следующие вопросы:
Историческая и политическая концепции Милюкова: взаимопритяжение или взаимоотталкивание?

Либеральная политическая субъектность при отсутствии субъектности социальной – утопия или реальная перспектива? Февраль 1917-го: подтверждение или опровержение концепции?

И, наконец: **актуальны ли история по Милюкову и история Милюкова?**

С докладом выступил **Алексей Кара-Мурза**.

В дискуссии приняли участие **Михаил Афанасьев, Ольга Жукова, Дмитрий Катаев, Нина Хайлова, Евгений Ясин** и другие эксперты.

Вел Круглый стол вице-президент «Либеральной миссии» **Игорь Клямкин**.

Игорь КЛЯМКИН:

Уважаемые коллеги, сегодня мы продолжим разговор о крупнейших фигурах российского либерализма. Речь пойдет о Павле Николаевиче Милюкове, о разных направлениях его деятельности. Мы будем говорить о нем, как об авторе оригинальной концепции отечественной истории, о том, какую роль эта концепция могла бы сыграть в формировании нашего исторического сознания. Мы будем говорить о нем и как о либеральном политике, лидере кадетской партии, о его драматической попытке европеизации России при отсутствии для этого достаточных предпосылок. И мы будем говорить о том, как сочетались в нем профессиональный историк и профессиональный политик, учитывая, что Милюков-политик всегда

соотносил свою деятельность со своей исторической концепцией, выстраивал первую в соответствии со второй.

Эту встречу, как и предыдущие встречи такого рода, мы проводим совместно с фондом «Русское либеральное наследие». Первым у нас по сложившейся традиции выступит руководитель этого фонда Алексей Кара-Мурза. Прошу вас, Алексей Алексеевич.

Алексей КАРА-МУРЗА (заведующий отделом Института философии РАН, президент Фонда «Русское либеральное наследие»):

**«Гениальный “шахматист” в политике,
Милуков потерпел поражение, когда в российской истории наступил
иррациональный период»**

Спасибо, Игорь Моисеевич. Я выступаю здесь не только как соорганизатор заседания и президент Фонда «Русское либеральное наследие». Я изучал наследие Милукова и в свое время с полной ответственностью взялся писать о нем в книге «Российский либерализм: идеи и люди», которая была издана под эгидой «Либеральной миссии» и выдержала уже два издания в 2004-м и 2007-м годах. Замечу также, что в последнее время нас особенно привлекают такие, как Милуков, политические фигуры, которые одновременно были и крупными историками. А таковых насчитывается немало.

Только в ЦК Конституционно-демократической партии было несколько выдающихся историков. Напомню об Александре Александровиче Корнилове – втором человеке в этой партии, секретаре ЦК по оргработе. Он вел всю партийную документацию, руководил региональными избирательными компаниями. Выдающимся русским историком – пока, к сожалению, недооцененным – был и Александр Александрович Кизеветтер. Мы, фонд «Русское либеральное наследие», давно планируем поставить Кизеветтеру мемориальную доску в Оренбурге. А Александру Корнилову мы в Иркутске мемориальную доску уже установили.

Были среди кадетов и другие замечательные люди, тоже выпускники исторических факультетов, но потом ушедшие в другие сферы деятельности.

Среди них – Сергей Андреевич Котляревский. Магистр, затем доктор всеобщей истории, впоследствии переориентировавшийся, в основном, на юриспруденцию.

Среди них – князь Петр Дмитриевич Долгоруков, заместитель Муромцева по Первой Государственной думе. Талантливый историк, ушедший в земское движение и политику. В 1951 году он, будучи восьмидесятипятилетним стариком, был замучен во Владимирском центре. Весной этого года мы собираемся поставить мемориальный крест на его могиле во Владимире.

Среди них – князь Дмитрий Иванович Шаховской, тоже выдающийся политик, член ЦК, заместитель председателя кадетской партии, управделами Первой Государственной думы. После революции он остался в России, не эмигрировал. И вот, когда большевики не дали ему возможности работать, он, выпускник исторического факультета, занялся наукой. Будучи внуком декабриста Федора Шаховского и внучатым племянником Чаадаева, он именно про этих своих предков и писал исторические труды в конце жизни.

Но профессиональных историков мы видим в рядах не только кадетов, но и других либеральных партий. Кто такой лидер октябристов Александр Иванович Гучков? Выпускник исторического факультета, учился на курсе младше Милюкова, они там и познакомились. Или, скажем, такой ветеран русского освободительного движения, как Владимир Иванович Герье: окончил истфак Московского университета, ученик Грановского. Или князь Николай Сергеевич Волконский, один из лидеров левого крыла октябристов. Он ученик Ключевского, бывшего сначала его репетитором в имени Волконских в Рязанской губернии, а потом посоветовавшего своему подопечному поступить на исторический факультет.

А кого видим мы среди так называемых «либералов-центристов», находившихся в политическом пространстве между кадетами и октябристами? Вот «Партия демократических реформ» и ее основатель – Михаил Матвеевич Стасюлевич. Он был выдающейся фигурой городского самоуправления, но он же и знаменитый наш историк, сорок лет руководивший журналом «Вестник Европы». А вот представитель той же партии Максим Максимович Ковалевский. Да, он окончил юридический факультет, но всегда работал на стыке с исторической наукой: его докторская диссертация – об общественном строе средневековой Англии.

Итак, русскую либеральную демократию в значительной степени олицетворяли профессиональные историки, рядом с которыми работали и дипломированные юристы. Могут сказать, что это был недостаток этой демократии: ее, мол, возглавили «теоретики», оторванные от практической жизни. Но не будем спешить с выводами. У

историков, по независящим от них обстоятельствам, не всегда получается делание истории, когда они за него берутся. Но это не значит, что профессиональное знание истории и реальная политика – вещи несовместные. Посмотрим на наших соседей в демократической Польше. Кто там возглавил освободительное движение? Кто такие были Яцек Куронь или Бронислав Геремек? Кто такой ныне здравствующий друг наш Адам Михник? Это всё выпускники истфака Варшавского университета. А ведь у них, надо признать, многое получилось...

Перехожу непосредственно к Милюкову. Как сочетался в нем историк и политик? Как соотносились его представления об особенностях отечественной истории с практической деятельностью либеральной партии, которую он возглавлял?

Но начну все же с напоминания об интеллектуальном масштабе Павла Николаевича. Он был энциклопедически образованным человеком. И многократно демонстрировал это, хотя и не нарочито: даже близкие люди не могли до конца осознать обширность и глубину его познаний. Вот один только пример, который мне запомнился. Когда в 1911 году из Лувра украли «Джоконду» Леонардо, в кадетской газете «Речь», которую редактировали Милюков и Гессен, кто-то должен был написать об этом заметку. Но Бенуа, который руководил отделом литературы и искусства, был тогда за границей. И вот Павел Николаевич за ночь написал статью, причем про все вместе: про саму «Джоконду», про культуру и искусство итальянского Возрождения и т.д. А потом Бенуа, возвратившись, не мог поверить, что это написал Милюков, а не какой-то крупный специалист по истории искусства, ему, Бенуа, неизвестный.

Этот интеллектуальный масштаб проявился и в работах Павла Николаевича по русской истории. У него, как историка, была «сверхидея», которую мы сегодня будем обсуждать. И она проявилась не только в его научных изысканиях. Она-то, собственно, и привела его в политику, в кадетскую партию, потом к лидерству в «Прогрессивном блоке» в последней Думе, потом к министерскому посту во Временном правительстве. Проявившись сначала в магистерской диссертации, посвященной Петру Великому, эта «сверхидея» закрепилась затем в знаменитых милюковских «Очерках по истории русской культуры». В чем же ее суть?

Милюков, безусловно, верил в европейский универсализм. И он считал, что Россия – это тоже Европа. Но он понимал и то, что Россия – это особая и наиболее проблемная Европа, что европеизм испытывает здесь особые трудности. Как же совместить в таком случае веру в европейский универсализм и понимание самобытности России? И

как укрепить европейскую русскую идентичность? Первые поиски ответов на эти вопросы мы и обнаруживаем уже в магистерской диссертации Милюкова по Петру Великому.

Петр всегда был культовой фигурой для русских западников. Ну да, он «уздой железной Россию вздернул на дыбы», но ведь прорубил-таки окно в Европу, втащил в нее Россию. И именно поэтому для очень многих русских западников (и не только прошлых, но и нынешних) Петр является фигурой не только культовой, но и, в известной степени, даже священной. Их политический ориентир – реформатор-западник во главе страны. И если он появляется, то и, слава Богу. А какой он, этот реформатор, как он проводит реформы, – вопрос другой и второстепенный. Так вот, молодой Милюков в своей магистерской диссертации начинает критиковать европеиста Петра... с позиций европеизма!

Это было нечто совершенно неожиданное. Ведь до того Петра критиковали, как известно, русские славянофилы, русские самобытники, наговорившие в его адрес множество оскорбительных слов. Западники же ему все прощали – «за результат». В критике Петра с позиций европеизма Милюкову суждено было стать первопроходцем.

По его оценке, петровский европеизм был, в основном, эмоциональным, импульсивным, а потому не мог и не смог стать (даже учитывая реформаторский гений Петра) европеизмом глубоким. Петр, по мысли Милюкова, оказался как бы в заколдованном круге. Он ценил в людях абсолютную личную преданность, но имел очень ограниченный кадровый выбор. И получалось так, что ни на один сколько-нибудь ответственный пост он не назначал человека самостоятельного, который сознательно играл бы в ту же реформаторскую игру, но без постоянной оглядки на императора. Петр, как писал Милюков, назначал на ключевые должности «фигурантов», «ничтожества», не имевших особого понятия о деле...

Думаю, что это звучит актуально и сегодня. Не получили ли мы такого рода европеизм и во времена Бориса Николаевича Ельцина, когда многие считали, что демократия – это просто «власть демократов»? Главное, мол, пробиться наверх нашим ребятам, а уж они там всё сделают, как надо. Что вышло из этого, мы знаем. И сегодня многие из тех ребят застенчиво оправдываются, что мы, мол, ни в чем таком особенно и не участвовали...

Актуален и вывод Милюкова-историка. Вывод о том, что ни один реформатор на троне полноценных европейских реформ в России не провел и не проведет. Для них

нужна, как он говорил – это его любимое выражение, – «междуклеточная ткань социальных отношений». А она вырабатывается только культурным процессом. Лишь такая ткань может, писал Милюков, обеспечить «непрерывность социального действия». Потому что даже гений-реформатор на троне сегодня дал, а завтра взял. А если не он взял, то это могут сделать его преемники. Отсюда и главный вопрос: кто и как может обеспечить в России непрерывность социального действия, поступательный прогресс в направлении Европы?

В диссертации о Петре ответа еще нет. Приближение к нему мы находим во второй большой книге Милюкова (вернее, серии книг, оставшейся не законченной) – в «Очерках по истории русской культуры». Итак, кто же все-таки в России способен создать «междуклеточную ткань социальных отношений»? Стать субъектом «непрерывного социального действия»?

Уже в первом томе «Очерков» мы находим мысль о приоритетности создания в России *европейской политической среды*. Почему в России не получается Европа? Потому что хотя Россия в культурном отношении все-таки Европа (благодаря христианской пуповине), здесь не хватает одного из важнейших элементов Европы – не хватает политики европейской, не хватает европейской политической культуры. И, в первую очередь, идейного плюрализма. Россию можно тащить на Восток, можно на Запад, но это всегда в ней делается диктаторски. В Европу же может надежно привести только институционализированный идейный плюрализм через его проекцию в политике – развитый парламентаризм, опирающийся на правовое законодательство.

Таков вывод Милюкова. Но тут сразу же возникает следующий вопрос: а кто конкретно способен сделать это в самодержавной стране? Наблюдая предпоследнее и последнее царствования, Александра III и Николая II, Павел Николаевич понимал, что сверху прививкой европейской политической культуры добровольно заниматься никто не будет. Да и не сможет ее привить, даже если захочет. Милюков, развенчавший на примере Петра преобразовательный пафос героя-одиночки, не мог не считать крайне ограниченной возможность в России «модернизации сверху», кто бы наверху ни оказался. В условиях, когда связь властей с общественными интересами сведена к минимуму, когда никакой обратной связи в обществе нет вообще, не только самодержец, но и правящая бюрократия оказываются совершенно нечувствительными к социальным потребностям.

Скептическое отношение Милюкова к перспективам «модернизации сверху» проистекало и из понимания им одной из главных, по его мнению, проблем России. Проблема эта, полагал он, не в том, что в России очень мощная государственность. Различая понятия «государственность» и «власть», он считал, что власть-то в России есть, и она сильно давит, но это не государство. Наоборот, она есть наиболее антигосударственный, анархический элемент в русской социальности. Она пребывает во внеправовой сфере, она самодурна. И ее постоянные импровизации, по большей части, тоже неправовые – это как раз свидетельства слабости русской государственности, создать органичные механизмы которой не дано было даже Петру. Все при нем делалось в России личным усилием, «толканием», между тем как подлинного «сцепления» между властью и обществом, что и создает государственность, так и не возникло.

Но если не власть, то кто же все-таки может стать субъектом такого «сцепления» или, говоря иначе, субъектом российской европеизации? Очевидно, таковым должна стать какая-то *общественная* сила. Но какая?

Модернизаторский потенциал российского дворянства, как сословия, Милюков оценивает критически. Научиться чему-то на опыте высших сословий других стран оно, по Милюкову, не в состоянии. Да, есть, скажем, пример Англии, где именно аристократия начала либеральную модернизацию. Но, в отличие от западной аристократии, которая прошла долгую школу борьбы за личные права и свободы, русское дворянство, отмечает Милюков, было привилегированным сословием только в той мере, в какой оно была сословием служивым. Отмена обязательности государевой службы при Екатерине II дала, конечно, толчок развитию сословной самостоятельности и корпоративного духа дворянства, но в еще большей степени способствовала нарастанию в нем политической апатии. Тебе дали некоторые права – вот и сиди в своем имении. Это русская литература потом очень хорошо показала.

Итак, в реформаторский потенциал дворянства Милюков не верит: эти люди не будут биться за демократию, как то было в свое время в Англии. Тогда, может быть, ставка должна быть на третье сословие, сословие горожан, на тот средний класс, о котором мы сегодня так много говорим? Однако и это, по мнению Милюкова, нереально тоже.

Город в российском контексте – это совершенно другой город, чем на Западе. Там он был следствием внутреннего развития экономической промышленной жизни. В России же город был не автономным, эмансипированным от верховной власти

образованием, а, напротив, «ханской ставкой», то есть максимально зависимой от самодержавия единиц. И Милюков так и пишет, что прежде, чем город понадобился гражданам, он понадобился правительству. Городом манипулируют, потому что его население – это, в основном, люди, которые работают на патерналистскую структуру больше, чем на эмансипаторскую.

Но, если ни дворянство, ни городское сословие на роль субъекта европеизации не подходят, то что же остается? Так Милюков – фактически методом исключения – приходит к осознанию особой роли в России интеллигенции.

Это не априорный вывод, а именно результат анализа. Если бы Милюков нашел в России какую-то другую, более подходящую общественную силу, он бы сделал ставку на нее. Но он таковой не нашел. А в пользу интеллигенции говорило то, что она является носителем национальной культуры, которая, в свою очередь, только и может создать «междуклеточную ткань социальных отношений». Интеллигенция, по Милюкову, это внеклассовое и надклассовое образование, которое способно формулировать национальные, общегражданские, а не узкокорпоративные интересы. Интеллигенция – это временный заместитель в России третьего сословия. Именно она должна дать импульс формированию гражданской нации, а потом уже начнет нарождаться нормальная буржуазия, развиваться нормальная городская жизнь.

Основная задача интеллигенции – инициировать формирование в России европейской политической культуры, создание на ее основе европейской политической среды и политическую реформу, которая должна предшествовать социальным изменениям; сами такие изменения не пойдут. Иными словами, интеллигенции предстоит восполнить главный пробел русской истории, привнеся в нее европейскую политику. Эта «сверхидея» и стала той смысловой точкой, в которой Милюков-историк превращался в Милюкова-партийного лидера.

Как же воплощал он свою идею в своей политической деятельности?

Павел Николаевич был убежден в том, что только политические права и свободы могут стать надежной гарантией от произвола как власти, так и революции. Но, как историк, он не мог не знать, что и Запад на этот «третий путь» между анархией власти и анархией революции выбрался не сразу, что предварительно там пришлось пройти через целый каскад революций. И Милюков пытался заключить с революцией своего рода исторический компромисс. Он считал, что либеральную стратегию следует подкреплять революционной угрозой. «Мы, либералы, играем на сцене, – говорил он,

– а шум за сценой создают другие...». Другие – это те, кто слева, но, как постоянно подчеркивал Милюков, «слева у нас врагов нет».

Таким образом, при определенных обстоятельствах Милюков готов был, как он опять же сам говорил, «двинуть Ахеронт». «Ахеронт» – в античной мифологии подземный хаос – одно из любимых словечек в русском освободительном движении. В отличие от правых либералов (октябристов), кадеты полагали, что, если не получится договориться с властью по-хорошему, можно «двинуть Ахеронт» или хотя бы обозначить его «призраком». С тем, чтобы угрозами революционного насилия достичь либеральных целей.

За эту идею Милюкова неоднократно жестко критиковали (и даже подвергали остракизму) – сначала в России, а потом в эмиграции. Особенно постарался Василий Маклаков: в своих известных мемуарах он убедительно, как многим кажется, показал, что милюковское заигрывание с «левыми» не могло не кончиться плохо для России, и что надо было, наоборот, идти на более существенные компромиссы с исторической властью. То есть надо было блокироваться не с революцией против власти, а с властью против революции. Та принципиальнейшая дискуссия, как вы знаете, продолжается и сегодня, хотя и без ссылок на Милюкова и его оппонентов. Недавно я написал предисловие к очередному изданию мемуаров Маклакова, в котором об этой неосознанной перекличке как раз говорится. По существу же можно сказать лишь одно: да, милюковская тактика не удалась, это очевидно, но что при иной тактике все могло быть иначе, – очень большой вопрос.

Если перечитать всего Милюкова (в том числе его работы эмигрантского периода, в которых он выступал равноценным оппонентом Маклакова), то становится понятным, что у Павла Николаевича была «своя правда». Он доказывал, что если бы российская власть была хотя бы немного более чутка к рациональной логике, то тогда, конечно, «Ахеронт» не надо было трогать. Тогда либеральной оппозиции следовало бы договариваться с властью – как культурным людям с культурными людьми. Тогда надо было находить, например, союзников в среде просвещенной бюрократии и искать с ними взаимоприемлемые рациональные решения. Но дело-то как раз в том, что Милюков был глубоко убежден в том, что русская «историческая власть» была абсолютно иррациональна. И слишком многие факты из царствования последнего императора показывают, что у Милюкова были достаточные основания так думать.

Помните его знаменитую думскую речь конца 1916 года, в которой он приводил примеры абсолютно иррационального поведения власти в годы тяжелейшей войны с немцами? Помните его адресованный депутатам вопрос: «Что это, глупость или измена?»? И ведь значительная часть русского населения тогда думала, что это именно измена. Потому что трудно было представить, что власть могла позволить себе такие глупости, которые позволяла. Так что эта власть сама все сделала для того, чтобы разрушить русскую государственность. У Милюкова, возможно, есть другие грехи, но не этот.

Вопрос, который стоял тогда перед либеральной оппозицией, заключался в том, как вести себя с иррациональной властью. Ответ Милюкова: пугать ее иррациональными следствиями ее иррациональности. Если она импульсивна, эмоциональна, сама пугается и других пугает, то давайте тогда попугаем ее «Ахеронтом»: иррациональные страхи власти, возможно, заставят ее пойти на какие-то вменяемые действия, раз уж по уму не получается. Но если и это не помогло, то вряд ли в том вина Милюкова.

Было несколько моментов, когда царь мог предотвратить будущий обвал. Ну, например, договориться с тем же думским «Прогрессивным блоком» во главе с Милюковым о создании – на основе депутатских предложений – «правительства доверия» и проведении хотя бы минимальных либеральных реформ. То был мощный межпартийный блок в Думе и Государственном Совете, поддержанный военно-промышленными комитетами во главе с Александром Гучковым, Земским союзом во главе с князем Львовым, Союзом городов во главе с Михаилом Челноковым. Милюков протянул руку даже Пуришкевичу, крайне правому: мол, договоримся, что мы не трогаем «историческую власть» во время войны. Сначала победим немцев, а потом уж будем устраивать право-левые разборки внутри.

Не будет большим преувеличением сказать, что на программе «Прогрессивного блока» объединилась вся нация. И только узкая группировка наверху выступила против. Группировка во главе с царем и Распутиным, наиболее наглядно символизировавшим иррациональность тогдашней власти. На какой же основе с такой властью можно было солидаризироваться? И могла ли такая солидарность предотвратить революцию?

Когда сегодня приходится дискутировать с некоторыми нашими консерваторами и охранителями о Февральской революции, 95-летие которой мы недавно отмечали, то я

даже не понимаю, что они хотят сказать. На днях была специальная передача об этой революции в программе «Тем временем» Александра Архангельского. И что говорили там люди, которые позиционируют себя как просвещенные консерваторы? Они сошлись на том, что в феврале 1917-го в толпу надо было просто стрелять из пулеметов. И тогда, мол, никакой революции не было бы. О том, что стрелять ради защиты «исторической власти» в Петрограде не оказалось желающих, они почему-то не вспоминали.

Понятно, что в глазах таких людей Милюков и его единомышленники – главные виновники не только Февраля, но и Октября. Кстати, Павел Николаевич не был согласен с тезисом, до сих пор почти общепринятым, что Февраль привел к Октябрю. Он считал, что Октябрь (тот самый «Ахеронт») пришел раньше Февраля. Оказавшись у власти, Милюков и другие министры Временного правительства понимали, что «Ахеронт» поднялся без них. Они пытались оседлать эту стихию; была даже такая метафора: «Возглавить взбесившийся табун, чтобы отвести его от пропасти». Но вы помните, что князю Львову и блоку кадетов и октябристов это не удалось. И новому составу правительства во главе с более левым Керенским не удалось тоже. Не получилось, революция пошла дальше. Видимо, это закономерность любой революции: она не способна остановиться в центральной точке и обязательно доходит до крайнего предела...

Как бы то ни было, все разговоры о том, что Милюков своей европеистской концепцией накликал на нас большевистскую катастрофу, – прямое лукавство со стороны нынешних консерваторов, ищущих исторические обоснования своему охранительству. Вместе с большевиками они предают остракизму и людей Февраля. Мы столкнулись с этим еще пять лет назад, когда отмечалось его 90-летие, и очень много тогда сделали, чтобы не дать новому «агитпропу» охаять Февраль. Мне кажется, то был глоток свободы и шанс для России. К сожалению, Милюкову и другим людям Февраля не удалось затушить уже зажженный не ими большевистский костер. Не Милюков обрушил самодержавие, оно само сделало все, чтобы быть обруженным. Кстати, и отречение императора, как вы знаете, принимал не лидер кадетов. Там были октябрист Гучков и правый монархист-националист Шульгин.

Да, Милюкову-политику не удалось воплотить в жизнь «сверхидею» Милюкова-историка. Но пример этого выдающегося русского либерала и олицетворяемого им типа политического лидерства чрезвычайно важен и поучителен. И потому, что проблема, которую он решал, до сих пор в России не решена. И потому, что в

милюковском опыте ее решения есть, по-моему, вещи непреходящие. Прежде всего, я имею в виду опыт создания и длительного руководства кадетской партией.

Многое тут было обусловлено, конечно, его личными особенностями и дарованиями. Павел Николаевич был очень рассудочным человеком, учеником позитивистов Конта и Спенсера. Именно выдающиеся рационалистические способности (в политической тактике, как говорили, Милюков был гениальным «шахматистом») и привели его к партийному лидерству и лидерству в освободительном движении. Но надо было еще уметь руководить этим сложнейшим конгломератом личностей, который назывался конституционно-демократической партией. Сколько там было выдающихся людей! Милюков умел. Он никогда никого под себя не подминал. Наоборот, способствовал тому, что каждый реализовал свои лучшие и сильные черты. Да и как еще можно было работать с «рюриковичами», с князьями Долгоруковыми, с Шеховским?

Сейчас, увы, таких лидеров, таких диспетчеров и таких «шахматистов» на нашем либерально-демократическом фланге нет. Лидеров, которые умели бы так вот, по-милюковски, работать с людьми. И таких политических трудяг, как Милюков, нет тоже. Не в последнюю очередь, возможно, и потому, что отсутствует интерес к предшественникам и их опыту, отсутствует живая историческая преемственность с отечественной либеральной политической традицией.

Нельзя, конечно, забывать и о том, что опыт Милюкова – это и опыт неудачи. Когда начался иррациональный период русской истории, рационалист Милюков с новыми задачами не справился. Но сами задачи были таковы, что с ними, наверное, не мог справиться никто. Возможности европеизации России были к тому времени упущены. «Революционный табун» уже никто не мог остановить, и потребовалась жесточайшая репрессивная диктатура, чтобы сохранить в стране какое-то подобие социальности. Но дальше углубляться в эту тему, по сей день вызывающую споры, я сегодня не буду.

Скажу лишь о том, что мы сейчас переживаем период, чем-то схожий с тем, который во времена Милюкова предшествовал вхождению страны в иррациональную стадию. Как и тогда, есть попытка рационалистического «нового класса», который мы называем «креативным», продумать какую-то стратегическую линию и предложить другую модель развития России. И есть нагнетание иррациональных страстей: запугивания образом врага, разговоры о «враждебном окружении», каком-то очередном «заговоре империалистов»... Что тут можно сказать? Да ничего кроме

того, что Павел Николаевич Милюков когда-то уже говорил, безуспешно пытаясь привнести в иррациональную русскую политику, ведущую к иррациональности «Ахеронта», рациональное начало.

Игорь КЛЯМКИН:

Спасибо, Алексей Алексеевич. Я хочу еще раз обратить ваше внимание на ключевую проблему, которую пытался решить Милюков. Докладчик говорил о том, что Павел Николаевич воспринимал Россию как «тоже Европу», хотя и особую. Но так ли это? Ведь в его описании начального периода Московии мы находим акцент не на ее сходстве с Европой, а на их принципиальном различии. В Европе, согласно Милюкову, государство выросло из общества, было продуктом естественного развития сословий. В России же государство само создавало сословия (точнее, квазисословия), которые использовало, как социальные инструменты, в своих интересах. И такой взгляд на российскую историю, как многим казалось и кажется, не очень-то органично сочетался с политической установкой Милюкова на европеизацию России.

Да, у него на такого рода возражения был свой ответ, и Алексей Алексеевич о нем говорил. Ответ заключался в том, что отечественная история вырастила собственный субъект европеизации в лице интеллигенции. Но ведь та же самая история наглядно продемонстрировала и слабость этого субъекта в сравнении с противостоявшей ему силой иррациональной самобытности – прежде всего, «низовой». И получилось так, что сегодня мы в описании российской самобытности Милюковым-историком находим объяснение неудачи Милюкова-политика.

Напомню, кстати, что в 1920 году Павел Николаевич, бывший одним из инициаторов и идеологов Белого движения, признал его ошибкой, что, понятно, не добавило Милюкову популярности в эмигрантской среде. И осудил он его именно за «кадетизм». За то, что оно руководствовалось кадетской программой, плохо сочетавшейся с интересами и культурой большинства населения, русской историей сформированной.

Я напомнил об этом эпизоде не для того, чтобы мы сейчас стали его обсуждать. Я напомнил о нем только для того, чтобы обозначить колоссальную сложность проблемы, которую решал и не решил Милюков, оставив ее своим будущим последователям. Проблему европеизации страны с неевропейской историей. И вопрос,

заслуживающий обсуждения, заключается, по-моему, в том, почему ее в начале XX века решить не удалось. Потому что она решалась неправильно? Потому что она была неразрешима в конкретных обстоятельствах той эпохи? Или потому, что она не решается в принципе?

Правда, Михаил Афанасьев, который выступит следующим, саму эту проблему, насколько знаю, представляет себе несколько иначе. Тем интереснее нам будет его послушать. Пожалуйста, Михаил Николаевич.

Михаил АФАНАСЬЕВ (директор по стратегиям и аналитике «Никколо М»):

**«Без научного и политического наследия Милюкова нам не обойтись
при решении ключевой идеологической задачи –
соединения модернизации и национальной идентичности»**

Хочу поблагодарить Алексея Алексеевича за очень интересный, многотемный доклад. Пожалуй, главным для нашего обсуждения является вопрос, почему и чем может быть интересен нам сегодня Милюков. На этом вопросе я и сосредоточусь.

Сначала – о том, почему. Потому что все дебаты о порядке правления и путях развития России упираются в проблему национальной идентичности. Партия модернизации может оказаться во главе государства только в том случае, если докажет свое соответствие этой идентичности. Между тем сегодня не только противники модернизации, но и многие ее сторонники в унисон доказывают обратное. Первые настаивают на ее вредности в силу несовместимости с нашей идентичностью, а вторые, фактически соглашаясь с ними насчет несовместимости, призывают эту несовместимость «преодолевать». Тот и другой подход, по-моему, лишают страну перспективы. Соединение модернизации и национальной идентичности составляет ключевую идеологическую задачу. Задачу, при решении которой нам, думаю, никак не обойтись без научного и политического наследия Павла Николаевича Милюкова.

Чем же актуальны это наследие и сама фигура Милюкова? Они актуальны именно тем, что в них модернизация и российская идентичность – не антагонисты, а союзники. Чтобы понять это, не надо даже глубоко копать, достаточно посмотреть в визитную карточку. Кто такой Милюков? Каково его идеологическое самоопределение? Милюков – это российский националист, даже империалист в

разумных пределах. Он почвенник, но при этом не пафосный романтик: вместо «самобытного» пафоса у него, ученика Ключевского, отменное знание этой самой русской почвы. Но одновременно он и западник, либерал, конституционный демократ, причем то и другое в его сознании и мышлении бесконфликтно сочетаются.

Между тем, в сегодняшней России соединение этих начал в глазах многих выглядит чуть ли не противоестественно. Но, может быть, дело обстоит наоборот? Может быть, противоестественным является как раз их разрыв? Как бы то ни было, Милюков эти начала соединял. Он соединял их а) вполне органично и б) исходя из целостного мировоззрения. Существенно также, что Павел Николаевич не выглядел при этом политическим фокусником и не слыл чудаком-маргиналом. Наоборот, он был редактором очень популярной политической газеты и лидером одной из главных политических партий, пользующейся в обществе широкой поддержкой. Напомню, что притязания Конституционно-демократической партии, им возглавлявшейся, отнюдь не сводились к преодолению пяти- или семипроцентного барьера для прохождения в Государственную Думу.

Это мировоззрение Милюкова проявилось не только в его политической деятельности, но и в его понимании отечественной истории, представленном в «Очерках по истории русской культуры». В этом труде с энциклопедической обстоятельностью обоснованы два фундаментальных для понимания развития русской культуры тезиса. Изложу их в своей редакции.

Тезис первый: по самой своей географии, ландшафтной и антропологической «преистории» и уже собственно истории – этнической и национальной – Россия является естественным продолжением Европы, заходящим в Азию.

Тезис второй: русская культура есть самобытный извод европейского корня, исторически запаздывающий и в сравнении с синхронной ему европейской культурой относительно примитивный. Поэтому в русской культуре всегда соединены подражательное копирование, националистическое отталкивание и творческое развитие европейских культурных образцов.

Главный вывод Милюкова таков: «Европеизм ... не есть начало, чуждое русской жизни, начало, которое можно заимствовать только извне, но собственная стихия, одно из основных начал, на которых эта жизнь развивается ...». Но если так, то где же оно, это европейское начало русской жизни? Показательно, что западник и конституционалист Милюков видит его в земстве. Да, в том самом земстве, в котором

славянофилы видели русский «особый путь», а славянофильствующие реакционеры – даже альтернативу конституционному правлению.

По-моему, прав, безусловно, Милюков. Потому что бессловное земство, во-первых, являлось возрождением полисно-градского, гражданско-общинного начала – одновременно исконно русского и общеевропейского. Во-вторых, земство не только не заменяло конституционное правление, а на деле готовило к нему нацию.

Подготовка состояла в том, что земства и городские думы не получали и не «пилили» казенные деньги. Земские кассы собирались из взносов более или менее состоятельных людей, земские взносы нужно было делать сверх государственных налогов. Это было самообложение местной имущей публики, ее реальная самодеятельность. Чему естественным образом соответствовал цензовый характер выборов доверенных лиц – гласных, которые направляли земские средства на общественные нужды и цели местного развития. Подчеркну еще раз, что земство воплощало в себе как традицию, так и модернизацию.

Заключительный мой тезис касается неадекватно низкой оценки Милюкова в современном российском сознании. Это и вообще несправедливо в отношении фигуры такого масштаба, но дело не только в этом. Предубеждение относительно Милюкова в концентрированном виде выражает общее идеологическое расстройство нашего общества, которое, к сожалению, не просто повторяет, но и усугубляет вывих исторической судьбы России. Более семидесяти лет ВКП(б)-КПСС культивировала уничижительную оценку кадетов и их лидера. С конца восьмидесятых «великооктябрьский» идеологический тренд поменялся на противоположный: «Какую Россию мы потеряли!». Однако оценка кадетов и Милюкова при этом едва ли не ухудшилась: они, мол, раскачивали государство и, тем самым, расчищали дорогу к власти большевикам.

Подход популярный, но, на мой взгляд, совершенно чудовищный. Государство погубили социальная безответственность, косность и гнилость верхов плюс ненависть социальных низов, о чем Алексей Алексеевич уже говорил. А Милюков как раз пытался тому и другому противостоять, он стремился к нормальному государственному развитию. Известная фраза Александра III: «Никогда русский царь не будет присягать скотам» – это ненормально, это историческая неадекватность. Большевистские диктатура и вожизм, «в комиссарах – дурь самодержавья» –

ненормальность в квадрате. Уверенность же в том, что судьба России сводится к выбору между вариантами самодержавной дури, – это ненормальность в кубе.

Милюков, повторяю, идейно и политически противостоял такой ненормальности, он звал и вел Россию к норме. А норма есть создание нации и национального государства, nation building, как говорят англоязычные коллеги. И если мы забудем Милюкова и других больших и малых сторонников срединного пути России, если не докажем – самим себе и другим – *нормальность* русской культуры и европейскость русской идентичности, тогда и надеяться не на что. Полагаю, что у нас есть все основания для решения этой национальной идеологической задачи.

Игорь КЛЯМКИН:

Спасибо, Михаил Николаевич. С тем, что в России были и есть люди с европейской идентичностью, как говорится, не поспоришь. Но политически они здесь постоянно проигрывают, и драма Милюкова – одно из многих тому подтверждений. То, чему они противостоят, до сих пор оказывалось сильнее их, и я не думаю, что это «то» не имеет отношения к национальной культуре и идентичности. Вопрос в том, как и в каком направлении культура и идентичность меняются.

Предоставляю слово Ольге Анатольевне Жуковой.

Ольга ЖУКОВА (профессор Московского государственного педагогического университета):

**«Одна из главных причин политической неудачи Милюкова –
расхождение его душевно-психологических установок
с установками теоретическими, которыми
он руководствовался в изучении истории»**

Я согласна с высокими оценками Милюкова, здесь прозвучавшими. И как историка, и как политика. Но как сочетались в нем эти два вида профессиональной деятельности? И как друг на друга повлияли? Ведь они предполагают две разные стратегии – исследовательскую и социально-практическую. Стратегии не только интеллектуальные, но и психологические. Такая постановка вопроса позволяет, как мне кажется, говорить о Милюкове как об определенном типе личности в истории

отечественного либерализма. Равно как и о том, насколько этот тип репрезентативен для русской либеральной культуры.

Речь идет не о каких-то частных, второстепенных вещах. Личностные особенности Павла Николаевича в значительной степени предопределили и характер той новой общественно-политической коммуникации, которая складывалась в процессе строительства кадетской партии, и своеобразие стратегии и тактики этой партии. Мы располагаем свидетельствами нескольких блестящих летописцев русского освободительного движения. В их мемуарах события почти столетней давности предстают перед нами как близкие и живые. Это и уже упоминавшиеся здесь воспоминания Маклакова, и воспоминания самого Милюкова, и заслуживающие, на мой взгляд, особого внимания воспоминания Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс.

Ариадна Владимировна точно фиксирует расхождение между исследовательским опытом Милюкова и его опытом как действующего политика. Милюков-историк, справедливо отмечает она, огромное внимание уделял психологическому фактору, как важнейшему в становлении и развитии культуры. Он исходил из того, что исторический процесс и жизнь отдельной личности должны рассматриваться как определенная историческая закономерность и быть сведены, прежде всего, к закономерности психологической. При этом главными институциональными факторами становления русской культуры у Милюкова выступали церковь и школа, а национальная идентичность определялась им через религиозную идею и психическое взаимодействие индивидов, которые обнаруживают себя в ценностно-смысловом пространстве языка. А что мы видим в практической деятельности Милюкова-политика?

В этой деятельности, пишет Туркова, ничего похожего на психологическую стратегию, которую лидер кадетов вычитывал в становлении русской культуры, обнаружить было нельзя. Павел Николаевич был совершенно безразличен к проявлениям личностно-психологических свойств окружающих. Он как бы все это выносил за скобки политики. И при этом по складу своего мышления обладал повышенной предрасположенностью к схематизму, в чем признавался и сам: «Я вообще был склонен к схематизму и к стройности построений».

Продуманная схема и логическая последовательность – это даже похвально для научной методологии и каких-то теоретических построений. Присущее Милюкову

стремление к поиску непротиворечивой концепции плодотворно сказалось в его исследованиях русской истории и культуры. В них, повторяю, важнейшая роль отводилась психологическому фактору. Но когда речь шла не об объяснении истории, а об ее практическом делании, этот фактор полностью исключался. Как пишет Тыркова, «к людям, к отдельным личностям Милюков относился с холодным равнодушием. В общении с ними не чувствовалось никакой теплоты. Чужие мысли еще могли его интересовать, но чужая психология никогда, разве только женская, да и то только пока он за женщиной ухаживал, а потом он мог проходить мимо, не замечая ее. Люди были для него политическим материалом, в котором он не всегда хорошо разбирался».

Ариадна Владимировна – свидетель надежный. Как мы знаем, она была очень выдержанным и смелым оппонентом Милюкова. В частности, по поводу избирательных прав женщин: Тыркова выступала в их защиту, между тем как Милюков в своей программе женское избирательное право не рассматривал и за женщинами такого права не признавал. И в Милюкове-политике ее не устраивала не только его психологическая глухота, но и то, как проявлялся в практической деятельности схематизм его мышления. «Обычно, – пишет Тыркова, – он давал синтез того, что накопила русская и чужеземная либеральная доктрина. В ней не было связи с глубинами своеобразной русской народной жизни, может быть потому, что Милюков был совершенно лишен религиозного чувства, как есть люди, лишенные чувства музыкального».

Это серьезный упрек. По сути, речь идет о том, что приверженность Милюкова позитивистской традиции мышления совершенно исключила метафизическое начало. А его отсутствие не могло не привести к тому, что где-то он просмотрел Россию, ее национальную самобытность. Именно к такому выводу и приходит Тыркова. Либеральное начетничество, пользуясь ее терминологией, обернулось тем, что Милюков не понимал, не ощущал Россию исторической личностью, которую нужно любить. У него «для того ответственного места, которое он занял в общественном мнении, не хватало широты государственного суждения. Он не знал тех глубоких переживаний, из которых вырастает связь с землей. Держава российская не была для него живым любимым существом».

Я ссылаюсь на эти свидетельства вовсе не для того, чтобы поставить под сомнение роль и место Павла Николаевича в истории русского либерализма. Но у либерализма в России будет будущее только в том случае, если мы извлечем необходимые уроки из

его прошлого. В нем есть много такого, чему следует учиться, и выступавшие до меня коллеги об этом очень хорошо говорили, но есть и то, чему учиться, по-моему, не надо. И я имею в виду не только Милюкова. Странно, казалось бы, такие вещи нам слышать, но, тем не менее, Туркова настаивает на том, что многие кадеты, которые жаждали освободить разные этносы и национальности от старшего имперского русского брата, путали латышей с литовцами, калмыков с киргизами. И при этом хотели их освободить! Без почвенного и личностного отношения к России либерализм, думаю, в ней не привьется, глубоких корней не пустит

Мы должны помнить об этом, размышляя и об уроках Павла Николаевича Милюкова. Особенности его личности не могли не сказаться не только на политической, но и на других сторонах его практической деятельности – в том числе, редакторской и публицистической. Характеризуя его в этом отношении, Туркова писала, что газета «Речь», редактировавшаяся Милюковым, «велась скучно, бледно, в ней не хватало занимательности, жизни. Милюков придавал значение только своим передовым, где добросовестно анализировал шахматные ходы думской политики и международного положения. Другие отделы его не интересовали. У него не было газетного нюха, да и публицистического таланта не было, этих двух свойств, которые помогли Суворину сделать из «Нового времени» одну из лучших русских газет». Напомню, кстати, что Ариадна Владимировна организовала издание газеты «Русская молва», альтернативной милюковской. С тем, чтобы внутри самого либерального лагеря могли публично звучать разные мнения.

Понимаю, что в ответ на все это вы можете сказать: мнение одного человека, даже столь яркого, как Ариадна Туркова, еще не истина в конечной инстанции. Но в своих претензиях к Милюкову она была не одинока. По крайней мере, в тех, которые касались упомянутых особенностей его психологического склада. Показательно, что Василий Маклаков не пришел на празднование 70-летия Павла Николаевича, когда его пышно чествовала часть русской эмиграции. А Петр Струве тогда же высказал свое мнение относительно своего самого старого либерального оппонента в статье, опубликованной в газете «Россия и славянство». Он писал, что претензий чисто политического характера к своему либеральному собрату не имеет, что не сводит с ним никаких счетов по поводу результатов русской революции, как и всего того, что было до 1917 года. «Наши разногласия и разночувствия с Милюковым как политиком, – констатировал Струве, – вообще не укладываются в чисто политические рамки».

Это все о том же – о человеческом измерении личности политика. И еще о связи его психологического типа со способом его мышления. Упомянувшийся выше милюковский интеллектуальный схематизм Струве характеризует, как исключительное искусство располагать идеи и аргументы в определенном методическом порядке и в этом смысле аранжировать вещи: «Он исключительный по ловкости аранжёр и калькулятор, то есть устроитель и расчислитель идей и идейных комбинаций». И если бы, продолжает Струве, «политика была шахматной игрой и люди были бы деревянными фигурками, Милюков был бы гениальным политиком». Но это не так, а видеть и ощущать живых людей, им сочувствовать и сострадать Милюков роковым образом был не способен, что мешало ему на них влиять, ими управлять и распоряжаться. Характерно, что даже к трагедии, которую пережило Белое движение – крымской эвакуации, а по сути, бегству из Крыма, – Милюков отнесся очень холодно. А она, как пишет Струве, таким страшным образом ранила сердце всей русской эмиграции, что, конечно же, ее доверие к Милюкову как политику было еще больше подорвано.

Так что не только к настроениям и чувствам отдельных людей относился Павел Николаевич без должного внимания. Не всегда принимал он в расчет и чувства коллективные. Вот, скажем, в мае 1918 года левый кадет Оболенский предупреждает Милюкова об опасности приглашения в Россию иностранных войск для борьбы с большевиками: «Вам народ многих вещей не простит, зачем вы так поступаете, разве можно создать прочную русскую государственность на силе вражеских штыков?». Ответ Милюкова был парадоксален и страшен: «Народ? Бывают исторические моменты, когда с народом не приходится считаться».

Не принял он в свое время во внимание и обеспокоенность Александра Ивановича Гучкова судьбой русской армии, которая не могла уже, по его мнению, продолжать войну, на чем настаивал Милюков. По словам Гучкова, «Милюков был толстокожим, и впечатления у него были иные, чем у меня». Думаю, что такие душевно-психологические установки, столь разительно отличавшиеся от милюковских теоретических посылок в изучении истории, в котором во главу угла ставился именно психологический фактор, очень сильно сказывались на принятии решений и в немалой степени предопределили политические неудачи Павла Николаевича.

И все же завершить свое выступление я хочу совсем на иной ноте. Это и в самом деле не нормально, что такая выдающаяся, как Милюков, фигура русского либерализма до сих пор находится в забвении. Его научное наследие и политический опыт

представляют для нас огромную ценность, в чем я с Алексеем Кара-Мурзой и Михаилом Афанасьевым полностью согласна. У меня не вызывает сомнений, что современное наше либеральное движение и либеральная мысль должны находиться с этим наследием и этим опытом в преемственной связи, чего пока, к сожалению, не наблюдается. Но преемственность с интеллектуальной и политической традицией предполагает не только притяжение, но и отталкивание. В противном случае мы можем вместе с воспроизведением «плюсов» прошлого получить и воспроизведение его «минусов».

Игорь КЛЯМКИН:

Спасибо, Ольга Анатольевна. Очень интересный предложили вы угол зрения. Вроде бы речь идет, как говорил Михаил Николаевич, о «почвенном» политике, что проявлялось и в приверженности Милюкова имперско-державной государственной традиции, и в его ориентации на земское движение. А в психологическом складе и межличностных отношениях – какая-то «беспочвенность», что, однако, не мешало Павлу Николаевичу сохранять лидерство в кадетской партии.

Не думаю, что в этих индивидуальных особенностях надо искать главную причину неудачи русского либерализма начала XX века. Но нет ли в самом долговременном согласии именно на такой тип политического лидерства, сочетающего в себе либеральное доктринерство и эмоциональную глухоту, косвенного признания его безальтернативности в определенных условиях? В условиях, когда либеральная партия действует в инокультурной среде и пытается обрести широкую поддержку в социальных группах с разной, а порой и несовместимой идентичностью? Слушая Ольгу Анатольевну, я не мог отделаться от ощущения, что нечто похожее на милюковский психотип мы могли наблюдать и в психотипе некоторых либеральных политиков 1990-х годов.

Правда, во времена Милюкова в либеральном движении были и лидеры иного склада. Что же они противопоставили кадетам и каких достигли результатов? Об этом нам расскажет Нина Борисовна Хайлова.

Нина ХАЙЛОВА (доцент Финансового университета при Правительстве РФ, член совета Фонда "Русское либеральное наследие»):

**«Взаимопритяжение исторической и политической концепций
было характерно не для Милюкова,
а для его оппонентов либерал-центристов»**

Оттолкнусь от одного из вопросов, вынесенных на сегодняшнее обсуждение: «Историческая и политическая концепции Милюкова: взаимодействие или взаимоотталкивание?» Скорее, на мой взгляд, имело место взаимоотталкивание. Свойственный Павлу Николаевичу схематизм политического мышления, о чем рассказала нам Ольга Анатольевна Жукова, – не просто особенность его личности. В этом я вижу и проявление того, что его политическая программа европеизации России не очень-то соотносилась с им же описанной историей страны, о чем говорил Игорь Моисеевич Клямкин. Истории самобытной и от европейской существенно отличающейся. А взаимодействие мы обнаруживаем у других либеральных политиков той эпохи – у либералов-центристов, бывших оппонентами Милюкова. Алексей Алексеевич в своем докладе о них уже упоминал, и я думаю, что их интеллектуальное наследие тоже заслуживает нашего внимания. В том числе, и потому, что на их фоне рельефнее проявляются как ситуативные преимущества политиков милюковского типа, так и их сущностные слабости.

Речь идет о таких людях, как М.М. Стасюлевич, М.М. Ковалевский, К.К. Арсеньев, А.С. Посников, И.И. Иванюков. Коллеги, выступавшие до меня, сетовали на не востребованность Милюкова. Но имена, которые я назвала, сегодня, полагаю, вообще мало кому известны. Между тем, большинство этих людей – патриархи русского либерализма, определившие его суть и программу еще в 1880-е годы. Под влиянием их идей сформировался и Милюков, политически от них впоследствии отдалившийся.

Каковы были главные идеи «старого» либерализма? Разумеется, во главу угла его представители ставили свободу, но – в сочетании с социальной справедливостью. Разумеется, они выступали за коренное обновление государственности, но одновременно и за ее укрепление. За развитие при сохранении исторической преемственности. И еще их воодушевляла идея патриотизма, понимаемая ими как одна из основных либеральных ценностей.

Изначально эти либералы брали на себя роль медиаторов. Их целью было решать вопросы постепенно, путем примирения враждебных сторон и собирания сил вокруг своей программы. Диктат, любые формы радикализма, насилия, террора ими безоговорочно отвергались. Думаю, что такой подход к решению российских проблем во многом определялся и глубоким знанием и пониманием истории – как мировой, так и отечественной. Истории, которая как раз и свидетельствует о том, что резкие, а тем более насильственные разрывы исторической ткани к утверждению либеральных ценностей не ведут.

Когда в России стали создаваться политические партии, патриархи отечественного либерализма горячо поддержали кадетов. Учитывая, однако, наличие сильных левых тенденций в этой партии, они решили не накладывать на себя «кадетское ярмо» и пустились в «свободное плавание». Вместе с правыми кадетами они занялись, по сути, формированием центристского течения в русском либерализме. Их поиск для России оптимальной («почвенной») модели либеральной партии сопровождался созданием ряда собственных, так называемых «малых» партий – Партии демократических реформ, Партии мирного обновления и других, которые, несмотря на краткий срок существования, привлекли к себе внимание и оставили след в истории российской многопартийности.

Важно при этом иметь в виду, что идеи либерал-центристов были созвучны программным заявлениям большого количества партий, создававшихся в регионах, и также не вписывавшихся в русло «кадетизма» или «октябризма». Думается, не случайно именно в рамках центристского течения уже под занавес существования Российской империи возникла идея создания национал-либеральной партии, органически сочетавшей либерализм с «почвенностью». Кроме того, либералы-центристы усиленно занимались поиском непартийных форм консолидации идейных сторонников, входивших в разные либеральные партии, поскольку уже тогда осознавали « пороки » партийной жизни. И Арсеньев, и Ковалевский, и их младший соратник (о котором сегодня вообще практически никто не знает) Андрей Михайлович Рыкачев вели дискуссии по вопросам партийного строительства и с М.Острогорским, и с Р. Михельсом, и с Милюковым. Можно утверждать, что названные мною идеологи либерального центризма внесли тем самым реальный вклад в разработку теории партстроительства.

В эпоху партийного дробления либеральных сил центристы, неизменно выступавшие под лозунгом «В единении – сила!», стремились играть роль скрепы в либеральном

движении. Они возложили на себя миссию «хранителей основ» старой либеральной программы, одновременно развивая ее применительно к нуждам современности. И результаты их деятельности не оставались невостребованными. Скажем, аграрная программа, разработанная одним из основателей Партии демократических реформ, крупным экономистом А.С. Посниковым, была в апреле 1906 года фактически заимствована кадетской партией.

Центристы не уставали призывать кадетов соблюдать чистоту тактических принципов. Как я уже говорила, они раньше, чем кадетское руководство, почувствовали опасность для России, исходящую слева. Путь диктата, насилия и террора – это был в их глазах путь в тупик, и они с самого

начала призывали кадетское руководство безоговорочно такие явления осудить. Можно сказать, что либеральный центризм стал своего рода оппозицией левому кадетизму (И.И. Петрункевич, Ф.И. Родичев и другие), превалировавшему в партии Милюкова, который и сам тяготел именно к этому крылу.

Если попытаться коротко охарактеризовать самую главную черту лидеров либерального центризма, то она – в присущей им духовной целостности, неизменной верности своим принципам и идеалам. Это во многом обусловило и их политическую позицию, которую можно определить как позицию *«поверх схватки»*. И в ней, как мне представляется, тоже обнаруживается глубокое, профессиональное понимание истории и опасности любых попыток ее «опередить». Идеологи либералов-центристов не рассчитывали на быстрый эффект своей многообразной работы – парламентской и внепарламентской. Они, прежде всего, работали на перспективу, понимая, что быстро Россию не переделаешь, что с этим надо смириться и изо дня в день честно и в полную силу делать то, что считаешь нужным, и что от тебя лично зависит.

«Либерализм истинный, непоколебимый, покупается дорогою ценою учения и трудов, а не за стаканом вина», – эти слова молодого Стасюлевича вполне можно поставить эпиграфом к его собственной жизни, ставшей примером служения делу народного просвещения в родном Отечестве. Бескорыстный, подвижнический тип деятельности был характерной чертой и других лидеров либерального центризма. Их приверженность так называемой теории «малых дел» и огромная эффективность этих самых дел в их исполнении – тема, достойная отдельного разговора. Думаю, что глубоко усвоенные ими «уроки истории», в которой прочно только то, что создано

каждодневным трудом, были еще и источником их исторического оптимизма, позволяли «держат удар» и не опускать руки, что бы ни происходило вокруг.

Как относились к либеральным центристам такие люди, как Милюков, избравшие другой политический путь? Послушаем самого Милюкова, его отклик на смерть М.М. Ковалевского в 1916 году. Павел Николаевич отводит своему соратнику-оппоненту роль ни больше, ни меньше, как знаменосца в освободительном движении:

«Если он не отрицал ни социалистического, ни "буржуазного" взгляда на задачи настоящего и будущего, то это потому, что, оставляя будущему решение принципиального спора между обоими мировоззрениями, он в настоящем объединял их в общем «западническом» взгляде на сущность и направление нашей общественной эволюции... Смотри на меняющийся калейдоскоп жизни поверх текущего момента, Ковалевский мог не отождествлять себя с той или другой определенной политической программой. Но он твердо держал общее направление, зная, куда идет дальнейшая дорога. Не всем дано стоять на той высоте, с которой видно, куда ведут события. Большинство из нас копошится в злобах дня, на них тратя все свои душевные силы. Но, как отдельные работники оркестра, все мы смотрим на то высокое место, где стоит дирижер. Он знает темп, и оркестр идет дружно...Ковалевский есть наше общее национальное богатство, которым мы горды, которого у нас никому не отнять».

Показательно, что тут нет даже попытки идентифицировать Ковалевского политически. А нет ее, возможно, и потому, что такая идентификация либералов-центристов, в силу их идейной близости с другими либералами, весьма затруднительна. Центрист – это, прежде всего, особый психологический тип, редкий в политической жизни во все времена. «Тенями грядущего» называли современники такого рода политиков в начале XX века, и именно эта оценка звучит в отзыве Милюкова о Ковалевском. А вот что говорил он о другом видном центристе, графе П.А. Гейдене:

«Фигура редкого благородства, с кристальной чистотой помыслов... Этот высокий, стройный старик с лицом методистского проповедника оказался драгоценным, редким продуктом высшей культуры, случайно свалившимся в самый сумбур русской жизни с какой-то чужой планеты... Провести эти годы в самом пекле политической борьбы и выйти из нее без малейшей царапины – это счастье, которое достается немногим».

Но такие люди именно потому «тени будущего» в настоящем, что само будущее они видят в его преемственной связи с прошлым и настоящим. Вот мнение о том же Гейдене уже упоминавшегося в выступлениях коллег Петра Струве. «Гейден, – говорил Струве, – являл собой редкостный в России образец человека, гармонически примирившего в себе консерватизм и либерализм. Вот в чем лежит удивительное обаяние графа Гейдена как политического деятеля». Эти характеристики с полным на то основанием можно отнести и к другим лидерам русского либерального центризма. И такие оценки их мировоззрения совпадают с их самооценками.

Вот как выглядит эта самооценка у Ковалевского, возражавшего против попыток современников «втиснуть» Партию демократических реформ – первый опыт организационного оформления центристов – в прокрустово ложе известных классификаций. «Нашу партию, – заявлял он, – нельзя считать ни правым, ни левым крылом, ни тем более центром. Поэтому вполне неправильно утверждение, что наша партия представляет правое крыло конституционно-демократической партии, а по некоторым вопросам даже левое крыло социал-демократической партии. Наша партия – просто *партия здравого смысла*, в том значении этого слова, что она признает необходимым считаться с историческим прошлым...».

Игорь КЛЯМКИН:

То есть сами себя они центристами не называли?

Нина ХАЙЛОВА:

Да, название это в определенном смысле условное, уместное лишь в пределах либерального спектра; на характеристику политической позиции оно не претендует. Речь идет, как я уже сказала, об определенном типе личности, в мировоззрении которой либерализм органично сочетается с консерватизмом, о чем говорил Струве, а образ либерального будущего соотносится с историческим прошлым, если пользоваться словами Ковалевского.

Игорь КЛЯМКИН:

Спасибо, Нина Борисовна. Это любопытно, что при таком соотнесении либерального будущего с историческим прошлым не получалось обеспечить политический контакт с настоящим. Или, говоря иначе, ради преемственности с прошлым приходилось это настоящее опережать настолько, что связь с ним почти полностью обрывалась.

Наверное, в критике милюковского «левого уклона» у либеральных центристов была своя правда. Но и отказ кадетов от левизны не привел бы к торжеству либерализма в России, а привел бы лишь к утрате кадетами того политического влияния, которое они первоначально получили благодаря поддержке в крестьянской среде. Да, впоследствии деревня отошла от них к более левым и радикальным эсерам, серьезно конкурировать с ними партия Милюкова не могла, для этого потребовалось бы пожертвовать своей либеральной идентичностью. Но, оставаясь либералами, они все же пытались учесть и общий вектор общественной эволюции, стихийно складывавшийся независимо от них. И вряд ли будет справедливо ставить им это в вину.

Сейчас я предоставляю возможность задать докладчикам вопросы. Обращайтесь непосредственно к тем, у кого вы хотите о чем-то спросить.

Максим НИКИТИН (профессор НИУ ВШЭ):

У меня вопрос к Михаилу Николаевичу Афанасьеву относительно отношения Милюкова к европейскости России. Как известно, в XIV–XV веках Русь состояла из трех частей: из Литовской Руси, Новгородской и Владимирской, ставшей потом Московской. Первые две части были европейскими, а третья – азиатской, и азиатская победила. И если, как вы сказали, для Милюкова было характерно представление о европейскости России, то какую из этих частей он имел в виду?

Михаил АФАНАСЬЕВ:

Дело в том, что Милюков вообще проигнорировал в своих «Очерках» наследие Киевской – правильнее бы сказать, Новгородско-Киевской – Руси. В результате генезис русской политической культуры, как культуры именно европейской, оказался вне его исследовательского внимания. Я считаю это серьезным упущением. В книге «Куда ведёт кризис культуры?», недавно выпущенной «Либеральной миссией»,

представлен мой доклад, и я в нем как раз и говорю о том, что русское национальное начало типологически сходно с западноевропейским варварско-римским синтезом. В нашем случае это был славянско-варяжско-византийский синтез.

Игорь КЛЯМКИН:

Да, но эта ваша точка зрения, которая от милюковской отличается.

Алексей КАРА-МУРЗА:

Можно мне кое-что добавить к сказанному Михаилом Николаевичем? В целом я с ним согласен. Но в вопросе упоминалась еще и Русь Литовская, которую Милюков тоже обошел вниманием. Возможно, это объясняется тем, что он все-таки не просто либерал и европеист, а либерал-имперец. Отложившаяся «русская Литва» ушла на периферию империи, но она, согласно Милюкову, должна в ней остаться и в будущем. Идею независимости и самостоятельности западных имперских окраин Милюков никогда не поддерживал. Для Польши он хотел только автономии. Видимо, он рассуждал так: это западная часть «большой России», и, когда мы возьмем власть в центре, «западники» усилят европейский вектор развития страны.

Что касается Новгорода, то есть несколько свидетельств, что как историк Милюков очень сожалел о проигрыше «псковско-новгородской альтернативы». Однако как политик-рационалист он полагал, что это уже пройденный этап, и сейчас надо думать не о том, что было когда-то, а о том, как европеизировать ту Россию, которая исторически сложилась. Ту самодержавную Петербургскую Россию, которая выросла из допетровской Московии, псковско-новгородские вольности уничтожившей.

Игорь КЛЯМКИН:

Это очень интересный вопрос, касающийся нашего исторического сознания. Того, откуда нам вести отсчет европейской традиции в России. Киевская Русь сейчас за пределами страны, Литовская – тоже. Новгород был разгромлен и свою культуру утратил. И нам надо определиться в том, от чего отсчитывать европейскую традицию, – от домосковского периода или от точек ее прорастания внутри самой Московии, а если не Московии, то Петербургской империи. Милюков склонялся ко второму

подходу, который мне тоже кажется предпочтительнее первого. Киевско-Новгородская Русь и Русь Литовская – это все же другие государства, которые от возникшего под монгольским патронажем и влиянием государства Московского существенно отличались.

Еще вопросы, пожалуйста.

Валентин КУДРОВ (профессор НИУ ВШЭ):

Не знаю, кому из докладчиков адресовать мой вопрос. Наверное, Алексею Алексеевичу. Как Милюков относился к реформам Столыпина и лично к Петру Аркадьевичу?

Алексей КАРА-МУРЗА:

В отличие от «правых кадетов» – Василия Маклакова, Петра Струве, Михаила Челнокова, которые поддерживали контакты со Столыпиным, Милюков всегда относился к нему резко негативно. И у него были на то свои причины.

Именно Столыпин, как известно, разогнал Первую Государственную думу, причем сделал это достаточно иезуитским способом. У нас сейчас мода на Столыпина, и его поклонникам хорошо бы эту историю знать. Есть рассказ сразу нескольких свидетелей о том, как накануне закрытия Первой думы, в пятницу, министр внутренних дел Столыпин позвонил в кабинет Председателя думы Муромцева и попросил поставить в повестку заседания в понедельник его, министра, доклад. Муромцев согласился, а кадетская верхушка успокоилась: если Столыпин просит заслушать его в понедельник, значит роспуск Думы, которого все ожидали, по крайней мере, откладывается. Многие видные оппозиционные политики спокойно разъехались на выходные. Оказалось же, что когда Столыпин звонил Муромцеву, у него в кармане уже был подписанный императором указ о роспуске Первой Думы и о назначении его, Столыпина, премьером.

Такая вот была «разводка», такая «специоперация». Подобная политическая стилистика вызывала у Милюкова отторжение. В своих мемуарах он впоследствии объяснит свое недоверие к Столыпину тем, что считал того не только политически нечистоплотной, но и политически несамостоятельной фигурой.

Конечно, в своем неприятии Столыпина Милюков был в кадетском руководстве не одинок. В этом руководстве были ведь не только свои «правые», но и «левые». Например, открыто ненавидел Столыпина, как «царского сатрапа», Иван Ильич Петрункевич – старый земец, лидер фракции в Первой Думе, пользовавшийся абсолютным моральным авторитетом. Милюков, «левым» себя не считавший (он позиционировал себя в партии как центрист), в данном отношении был к ним близок.

Игорь КЛЯМКИН:

По-моему, сегодня актуален вопрос не о взаимоотношениях Столыпина и Милюкова, а о нашем собственном отношении к тому и другому. Столыпин олицетворяет идею авторитарной социально-экономической модернизации, Милюков – идею модернизации политической. Мы все еще спорим о том, что важнее, хотя пора бы уже задуматься и об иной постановке вопроса. В странах Восточной Европы эти две линии – Столыпина и Милюкова – удалось соединить. Там либеральные реформы в экономике следовали сразу же за либерально-демократическими преобразованиями в политике, это был единый процесс. А мы никак не можем определиться и продолжаем спорить о том, что первично, а что – вторично. В результате же и экономика у нас, мягко говоря, не совсем либеральная, а политическая система так и просто авторитарная. Еще есть вопросы?

Лев ИВАНОВ:

Алексей Алексеевич, вы говорили, что основная проблема Милюкова-политика заключалась в том, что присущий ему политический рационализм сталкивался с иррационализмом тогдашней власти. У меня не столько вопрос, сколько просьба чуть-чуть развить этот тезис.

Алексей КАРА-МУРЗА:

Я все жеотреагирую сначала на реплику Игоря Моисеевича. Можно, конечно, продолжать старый спор о том, прав или не прав был Милюков, не желавший играть в политические игры со Столыпиным. С точки зрения Милюкова, Столыпин – это беда России. Он развалил две Думы, он незаконно изменил избирательный закон, он всегда заискивал перед двором. Противоположная точка зрения заключается в том, что

Столыпин был «великим либеральным реформатором» в социально-экономической сфере – прежде всего, в аграрной, и его реформы при достаточной поддержке могли помочь России избежать катастрофы. Но сегодня этот спор если и интересен, то разве что в историческом плане. Потому что сегодня у нас нет столь мощного политического субъекта на либеральном фланге, каковым была кадетская партия с ее авторитетными лидерами. И претендента на роль Столыпина – даже потенциального – я не вижу тоже. Так что, повторяю, никакого актуального политического значения такие споры сегодня не имеют.

Игорь КЛЯМКИН:

Тем не менее, споры о том, какой путь модернизации оптимален для России – авторитарный или демократический, продолжаются уже больше двадцати лет. И, соответственно, о том, какие реформы важнее – экономические или политические. Сторонники первой позиции ссылаются на Столыпина, а приверженцы второй в отечественной истории ориентиров не находят, хотя кадеты и их лидер на такую роль вполне могли бы претендовать. Возможно, потому не находят, что Милюков и его партия у власти не были и, в отличие от Столыпина, примера реального практического реформирования после себя не оставили. Но, может быть, в таком случае фигуру Павла Николаевича, как альтернативу Петру Аркадьевичу как раз и стоило бы актуализировать?

Алексей КАРА-МУРЗА:

Могу лишь еще раз повторить: политических субъектов, соизмеримых со Столыпиным и Милюковым, в России сегодня нет, а потому и замыкать наши споры на их фигуры нет никакого смысла. Ну, а если такие субъекты появятся, чего я вовсе не исключаю, тогда будет и предмет для более содержательного разговора.

Игорь КЛЯМКИН:

Вас еще просили подробнее сказать о том, как рационализм Милюкова соотносился с «иррациональностью власти».

Алексей КАРА-МУРЗА:

Да, я помню. Тут не о чем особо распространяться, потому что одно с другим не соотносилось никак. С кем во власти разговаривать? – спрашивал Милюков. И отвечал: разговаривать не с кем. Потому что там сплошная иррациональная бюрократия, которая мучается своими комплексами и погружена в придворные взаимоотношения и интриги. Публичный инструмент в руках этой придворной камарильи – Столыпин. Но и с ним рационально обсуждать какие-то вопросы бесполезно, так как он всего лишь функция императорского режима, лишенный в своих действиях какой-либо самостоятельности. Как только он начнет говорить с нами всерьез, его тут же снимут. Примерно такова была логика левых кадетов и Милюкова. Не будем забывать, кстати, что даже такого Столыпина иррациональная власть опасалась, а потому сама же его и убила, подставив под пулю провокатора.

Тем не менее, Милюков-рационалист желал сохранения в России монархии, хотя и ограниченной Конституцией. Он был практически единственным из крупных деятелей Февраля, который чуть ли не на коленях умолял великого князя Михаила Александровича занять престол после отречения Николая за себя и за сына. Потому что иррационализма «низов», разбуженного Февралем, он боялся не меньше, чем иррационализма «верхов». И это объясняет многие его решения и поступки.

Почему, скажем, так настаивал Милюков после Февраля на продолжении войны с Германией? Потому что полагал: пусть уж лучше армия держит фронт против немцев – это ее хоть как-то дисциплинирует. Если же эту разнуздавшуюся вооруженную силу в ситуации государственного распада запустить внутрь России, она разнесет все. Согласитесь, в этом была своя логика.

Драма Милюкова в том-то и заключалась, что ему приходилось воевать на два фронта с двумя иррационализмами – властным и низовым. Они противостояли друг другу, и они, в конечном счете, сплющили оказавшегося между ними рационалиста и позитивиста Милюкова.

Виктор ДАШЕВСКИЙ:

Алексей Алексеевич, мой вопрос навеян тем, что я только что от вас услышал. Вы ставите в заслугу Милюкову то, что он уговаривал князя Михаила принять власть после отречения Николая, от чего Михаил, как известно, отказался. Скажите,

пожалуйста, а вы-то лично как считаете – мог он принять ее, Милюков правильно его уговаривал? Кто был прав по вашему мнению?

Алексей КАРА-МУРЗА:

Я понимаю логику Милюкова. Это рационалистическая логика удержания лодки от раскачивания. Парадокс же в том, что коллеги Милюкова по Февралю, даже более «правые», чем он, недооценивали этой проблемы. Например, октябрист Александр Гучков был уже в феврале «морально готов» к республике, был, так сказать, «и вашим, и нашим». А еще более правый октябрист Михаил Родзянко, судя по всему, полагал, что именно республика вознесет его еще выше к власти и сделает русским президентом. Милюков, на мой взгляд, в той ситуации был рациональнее и трезвее всех.

Игорь КЛЯМКИН:

Передача власти Михаилу Александровичу была юридически не корректной. Передать ее, согласно закону о престолонаследии, можно было только сыну Николая царевичу Алексею, права отречься за которого у Николая не было. Еще вопросы? Пожалуйста, Евгений Григорьевич.

Евгений ЯСИН (президент Фонда «Либеральная миссия»):

Не мог ли бы кто-то объяснить мне, почему Милюкову так нужны были проливы, из-за которых шла война? Царь готов был за них воевать, но зачем они нужны были кадетам? Зачем вообще было поддерживать эту войну, приведшую, в конечном счете, к тому, что Россия свернула с того пути, двигаться по которому начала в эпоху реформ Александра II? С пути, который вел ее в Европу?

Алексей КАРА-МУРЗА:

Отвечу коротко. Милюков был одним из лидеров панславистского движения в России и Европе. Он считался личным другом многих славянских народов – в частности, другом Болгарии. И он полагал, что продолжает дело «освобождения славян» от

османов, начатое Александром II. Тот не добился проливов, а Милюков мечтал о том, чтобы Россия ими владела.

Евгений ЯСИН:

Он и националист, и империалист...

Алексей КАРА-МУРЗА:

И еще панславист. Представляете, сколько недостатков в одном флаконе!

Михаил АФАНАСЬЕВ:

Не забудем только, что Павел Николаевич еще и либерал, желавший для России европейского будущего.

Евгений ЯСИН:

Не забудем. Я как раз об этом и намереваюсь говорить.

Игорь КЛЯМКИН:

Вы хотите выступить? Больше вопросов к докладчикам вроде бы нет, и я могу предоставить вам слово. Попутно хочу только заметить, что имперскость – старая болезнь русского либерализма, до сих пор не излеченная. Пожалуйста, Евгений Григорьевич.

Евгений ЯСИН:

**«Нам могут быть полезны идеи Милюкова относительно того,
как строить европейские институты в исторически недостаточно
подготовленных для этого условиях»**

Я не историк, и именно поэтому, быть может, мне было так интересно слушать сегодняшних докладчиков. Нам очень важно осознавать, что либерализм, как

интеллектуальное и политическое течение, не является в России столь уж беспочвенным, каковым его часто изображают, что у него есть давняя традиция. Может быть, не очень сильная и не очень глубоко укоренившаяся, но она есть, а будет ли она развиваться и укрепляться, в немалой степени зависит и от нас.

Павел Николаевич Милюков, о котором сегодня шла речь, интересен нам и как историк, и как политик. Он интересен как историк, потому что, будучи сторонником европейского пути и европейского будущего для России, не подгонял отечественную историю под историю европейскую, а добросовестно фиксировал их различия. Это значит, что он отдавал себе полный отчет в сложности задачи, которую предстояло решать. А как политик, о чем здесь говорилось неоднократно, он интересен тем, что европейскую Россию вместе со своими единомышленниками пытался создать.

Да, у него не получилось. Но я не думаю, что причину следует искать в его психологических особенностях, хотя привлекательными их, конечно, не назовешь. Полагаю, что, будь Милюков даже самым человеколюбивым политиком всех времен и народов, либералам того времени воспрепятствовать приходу к власти большевиков вряд ли бы удалось. Их победа случилась не потому, что лидеру кадетов не хватало душевности в отношениях с людьми. Она случилась потому, что Россия была крестьянской страной с огромной крестьянской армией, ведущей войну. Страной, в которой столыпинскую аграрную реформу не удалось завершить, и в которой большинство крестьян тяготело к всеобщей уравнительности. Поэтому российская деревня переметнулась сначала от кадетов к эсерам, а потом к захватившим власть большевикам, которые приватизировали эсеровскую аграрную программу, составленную из наказов самих крестьян.

Игорь КЛЯМКИН:

В этой программе было записано, что частная собственность на землю отменяется в России навсегда. Кадеты так далеко идти позволить себе не могли.

Евгений ЯСИН:

Вот именно, они же либералы были. Далее, я спрашиваю себя: когда было больше возможностей для развития России по европейскому пути – во времена Милюкова или сейчас? Думаю, в определенном отношении их больше сейчас – Россия теперь

уже не крестьянская, а городская страна, несопоставимо более образованная, чем сто лет назад, хотя и с сильной инерцией крестьянской ментальности. Но в другом отношении возможностей стало еще меньше.

Да, прочная политическая ткань для осуществления либеральных преобразований в России начала XX века отсутствовала, и тогдашним либералам приходилось ее создавать. Об этом говорил здесь Алексей Кара-Мурза, характеризуя историческую и политическую концепцию Милюкова. Но такого разрушения социальности, какое произошло при советской власти, российская история еще не знала. И на этих развалинах власть может позволить себе то, чего во времена Милюкова позволить себе не могла.

Недавно я прочитал в книге Дугласа Норта и двух его соавторов «Насилие и социальные порядки» (она переведена на русский язык) о том, как развивалась политическая жизнь во Франции XIX века. Во-первых, я обнаружил, что наш будущий президент очень многим напоминает французского президента Луи Бонапарта. Все те приемы, которые применяет в отношении своих политических противников Владимир Владимирович, применял и Луи Бонапарт. Но во Франции была и некая институциональная ткань, которая не позволяла, скажем, лишить оппозиционные партии любых источников существования. А в сегодняшней России такое возможно. И это – результат того разрушения социальности, которое произвели в России большевики.

Могут ли нам в таких обстоятельствах пригодиться идеи и политический опыт Милюкова? Думаю, что очень даже могут. Нам могут быть полезны его подходы к изучению российской истории, выявляющие ее отличия от истории европейской. Эти подходы нуждаются, конечно, в развитии с учетом опыта XX века и всего того, что нам от него досталось в наследство. Нам могут быть полезны и идеи Милюкова относительно того, как строить в России европейские институты в исторически недостаточно подготовленных для этого условиях. Идеи, которые получили столь яркое воплощение в создании и деятельности либеральной кадетской партии.

Наверное, была своя правота и у тех либеральных современников Павла Николаевича, которые ему оппонировали и о которых мы сегодня слышали много интересного. Но факт ведь и то, что столь влиятельной парламентской партии, пользующейся широкой поддержкой в обществе, им создать не удалось. Я не исключаю даже, что, не случись Мировая война, при наличии такой поддержки кадетам вместе с октябристами (тоже

влиятельной, но более консервативной партией) удалось бы предотвратить сползание страны к большевизму. Как бы то ни было, история свидетельствует о том, что никаких противопоказаний для появления сильной либеральной партии в России нет. Вот и давайте думать о том, что и как нужно делать, чтобы она появилась. Мы не начинаем с нуля, у нас были предшественники, заложившие интеллектуальную и политическую традицию, на которую можно опираться.

Да, драконовское законодательство последних лет и другие ограничители оппозиционной политической деятельности эту деятельность застопорили. Но сейчас, под влиянием пробудившейся после прошлогодних парламентских выборов общественности, кое-что начинает меняться. Не так и не в том объеме, как нам бы хотелось, но наши возможности эти перемены все же расширяют. А воспользуемся мы ими или нет, зависит уже от нас.

Игорь КЛЯМКИН:

Спасибо, Евгений Григорьевич. Я хочу все же напомнить о том, что октябристы и кадеты имели широкое представительство в Думе, не в последнюю очередь, благодаря изначально жесткому избирательному цензу, который в 1907 году был ужесточен еще больше. В результате в Третьей Думе, например, свыше 40% депутатов составляли представители дворянства – притом, что в составе населения доля дворян была около полутора процентов. А представители крестьян, составлявших свыше 80% населения, имели в Думе всего 15% мест. Напомню и о том, что на выборах Учредительного собрания либеральные партии начисто проиграли социалистам – деревня проголосовала за эсеров, а города, в основном, за большевиков, получивших по стране около 24% голосов.

Евгений ЯСИН:

За большевиков или за социал-демократов?

Игорь КЛЯМКИН:

За большевиков. Меньшевики вместе со всеми либералами собрали в несколько раз меньше.

Кто-то еще хотел бы выступить? Дмитрий Иванович, прошу вас.

Дмитрий КАТАЕВ (член политсовета Московской «Солидарности»):

**«Осознание связи времен могло бы существенно помочь нам
в преодолении совсем не детской “болезни левизны”
в российском обществе»**

Я тоже не историк и попросил слова лишь потому, что чуть ли не каждый выступавший говорил не только о прошлом, но и о настоящем. И это хорошо, что историки думают не только об истории. Что их интересует и сегодняшний день, интересует связь времен, которая была разорвана и которую они пытаются восстановить. Услышанное здесь для меня крайне важно, потому что разрыв связи времен меня тоже очень беспокоит.

Я много времени провожу в социальных сетях, где общаюсь с самыми разными людьми. В том числе, и с коммунистами, с которыми пытаюсь вести диалог. И довольно часто вспыхивают дискуссии о Феврале и Октябре 1917 года. Поначалу разговор может быть совсем о другом – о жилищных проблемах, о медицинском обслуживании, о выборах, о чем-то еще. А потом он стихийно перетекает в историческую тематику. И тогда я могу наблюдать, сколь глубоко сидит в сознании людей предубеждение в отношении Февральской революции, основанное, с одной стороны, на вопиющем невежестве, а с другой – на глубоко укорененной отзывчивости к левой идее.

Читая то, что люди порой пишут, я не могу отделаться от ощущения: их исторический кругозор в лучшем случае ограничен сведениями и оценками, почерпнутыми когда-то из советских учебников. Какой Милюков? Какой Струве? Какая преемственность с их идеями? Об этом не только с пенсионерами, но, что еще печальнее, и с молодыми людьми говорить сегодня невозможно.

Разрывом связи времен мы, прежде всего, обязаны большевикам. Но дело все же не только в них. Дело еще и в том, что связь эта нередко восстанавливается уродливо, когда отрицание большевизма сопровождается отрицанием не только Октября, но и Февраля, а все, что было до него, идеализируется. При этом то, что происходит сейчас, людям может не нравиться, а то, что было в царской России, вызывать симпатии. Когда я такое слышу, вспоминаю своего деда, профессора истории,

умершего в 1946 году. В 1914-м он написал книжку «Дореформенная бюрократия в России». Читаешь ее сегодня, и постоянно ловишь себя на том, что это написано не только о той, старой бюрократии, но и о нашей сегодняшней. А кто-то искренне считает, что 150–200 лет назад в стране был чуть ли не рай. Такая вот связь времен возникает порой в сознании после ее разрыва.

Казалось бы, примерно четверть века назад связь времен начала восстанавливаться иначе – как связь разных этапов на пути к демократии. Она начала восстанавливаться, потому что в мире она никуда не исчезала, потому что мировая цивилизация существовала рядом с нами, и идущие от нее импульсы после семи с лишним десятилетий советской изоляции были Россией уловлены. Результатом стали события 1991 года, которые, в свою очередь, стали звеном в цепи демократических революций в стране. Но, к сожалению, в таком качестве эти события до сих пор не осознаны. Вспоминаю, как отмечалось двадцатилетие августовских дней 1991-го: никто ведь так и не сказал тогда, что те дни находятся в одном ряду с революцией 1905 года и Февралем 1917-го. Равно как и о том, что этот революционный процесс до сих пор не завершен, и что в будущем он неизбежно должен получить продолжение. В данном отношении разорванная связь времен все еще не восстановлена. И когда люди выходили на Болотную площадь, они тоже не думали об исторической цепи событий, звеном которой стали недавние митинги протеста.

Зато мы имеем левую и консервативную реакцию на август 1991-го, которая распространяется и на февраль 1917-го. То есть связь времен, понимаемая как цепь революционных демократических преобразований, оценивается не позитивно, а негативно, что означает стремление незавершенный процесс таких преобразований не только не завершать, но и навсегда исключить его продолжение как процесса заведомо вредного. Вот о чем я думал сегодня, слушая чрезвычайно интересные сообщения о событиях прошлого и тех людях, которые олицетворяли один из важнейших этапов демократических преобразований в России. Эти события и люди предстали перед нами живыми, вписанными не только в прошлый, но и в современный контекст. Можно сказать, что перед нами предстала связь времен в ее либерально-демократическом понимании.

Мне кажется, что такая просветительская работа должна быть непременно продолжена. В какой форме, судить не берусь, но оставлять эту тему нельзя. Сторонникам демократии нужно свое понимание связи времен, этих сторонников консолидирующее. Ее осознание могло бы существенно помочь нам в преодолении

той совсем не детской «болезни левизны» в российском обществе, о которой я говорил. Равно как и в преодолении упомянутого Алексеем Кара-Мурзой охранительного консерватизма.

Игорь КЛЯМКИН:

**«Признавая неевропейскость российской истории,
Милюков опирался на тенденции в ней, свидетельствовавшие,
по его мнению, о предрасположенности России *стать* Европой»**

Спасибо. Больше желающих выступить нет, и мы можем наше собрание завершать.

Тем, к чему призывает нас Дмитрий Иванович, мы в меру сил пытаемся заниматься, намерены делать это и впредь. Любым предложением на сей счет будем рады и попытаемся их реализовать. То, что Дмитрий Иванович называет восстановлением связи времен, я называю формированием либерального исторического сознания. Речь идет о том, чтобы в истории России, при всех ее отличиях от истории Европы, выделить европейские тенденции и именно их в историческом сознании актуализировать, настроить его на преемственную связь с ними. Задача, прямо скажем, непростая уже потому, что сами эти тенденции в нашей среде понимаются не одинаково.

Это проявилось и сегодня. Проявилось как в интерпретации концепции Милюкова-историка, его представлений о сочетании в ней самобытного и европейского начал, так и в оценках Милюкова-политика, чья деятельность сама является частью отечественной истории. Полезны ли такие дискуссии? Думаю, что полезны. Они полезны уже тем, что актуализируют российскую либеральную традицию, вводят ее в современный контекст. И, прежде всего, традицию интеллектуальную, включающую в себя и концептуальное осмысление истории России. Поэтому мы и выносим на наши обсуждения идеи и подходы старых русских либеральных историков, надеясь, что дискуссии по поводу этих идей и подходов помогут сблизить наши позиции относительно самой истории.

Несколько соображений хочу высказать конкретно о Милюкове – одном из крупнейших, на мой взгляд, ее исследователей.

Мне, как и Евгению Григорьевичу, представляется крайне важным то, что Милюков, будучи убежденным либералом-европеистом, сумел избежать соблазна представить

историю страны более европейской, чем она была, а свои убеждения более соответствующими ей, чем они являлись. Не соблазнялся он и оценочными суждениями, что, впрочем, при его позитивистской методологии было естественно. Его интересовали только факты, главным из которых был факт самого существования российской государственности в ее самобытных проявлениях.

В свою очередь, главным среди таких проявлений Милюков считал изначально *военный* характер этой государственности. Возможно, именно поэтому он, в отличие от многих своих современников, считал и советский режим не аномальным отклонением от общего маршрута российской истории, а его продолжением, пусть и временным. Если, говорил Милюков, в Советском Союзе есть танки и есть солдаты, умеющие ими управлять и выигрывать войны, то этого достаточно для того, чтобы не считать советское государство искусственным политическим образованием. И такое понимание полностью соответствовало милюковской интерпретации отечественной истории. Как истории, принципиально отличающейся от европейской.

Я отдаю себе отчет в том, что Михаил Афанасьев может мне еще раз напомнить высказывания Милюкова, на которые Михаил Николаевич ссылался в своем выступлении. Высказывания, свидетельствующие о признании Милюковым наличия у России и русской культуры общих с Европой и ее культурой корней. Но такие цитаты, на мой взгляд, сами по себе еще ни о чем не говорят, учитывая, что в конкретном исследовании Милюков показывал нечто прямо противоположное.

Да, он исходил из того, что мировая история подчиняется неким общим закономерностям, и потому в ее исходных точках между Россией, странами Европы и любыми другими существенных различий не существует. А так как реальная история разных стран все же разная, то это объясняется, по Милюкову, тем, что в них разной является конкретная среда, в которой развивается общественная жизнь. Какова связь между общими закономерностями и средой, из его текстов не очень понятно, но в данном случае это не важно. Важно то, что в российской истории, отсчитываемой им не с киевско-новгородского периода, а с XIV–XV веков, то есть с последнего периода монгольской колонизации, никаких признаков европейскости он не обнаруживает, а обнаруживает, наоборот, одни лишь отличия от нее.

О главном из этих отличий я уже по ходу дискуссии упоминал. Оно, согласно Милюкову, в том, что российское государство произросло не из общества, не из естественно развившегося сословного строя, как то было в Европе. Это государство,

сложившееся в XIV–XV столетиях в виде «московской диктатуры», само формировало нужные ему для его целей квазисословные общности, всецело ему подчиненные и от него зависимые. И создавалось оно не внутренними, а внешними потребностями – прежде всего, военными, что и предопределило способ его организации, уподоблявший управление государством управлению армией.

Об этом до Милюкова говорил и его учитель Ключевский, но говорил вскользь. У Павла Николаевича такой ракурс рассмотрения государственной истории выходит на первый план. Под влиянием угроз от Литвы и осколков Орды, «Москва, – цитирую, – становится с конца XV века настоящим военным станом, главным штабом армии... Московские князья поневоле отвлекаются от своих хозяйственных забот и принимаются за устройство военного дела. В области внутреннего управления их интересы все более и более сводятся к добыванию средств, необходимых для содержания войска». И такая организация государства не могла не сказаться на повседневном жизненном укладе всех жителей Московии, сопровождаясь его милитаризацией. Милюков, правда, этим термином не пользуется, но суть описываемых им процессов именно в этом.

Милитаризация повседневности не означала, что все мужское население страны превращалось в воинов, как то было, например, у монголов. Потому что, в отличие от монголов, живших за счет дани с покоренных народов, Московия должна была кормить свое войско и оплачивать другие военные нужды сама. И Милюков показывает, как армейская организация государства распространялась на весь социум посредством *военных налогов*. Они были разные и взимались на конкретные цели: на содержание «пищальников», на изготовление пороха для ружей, на постройку укреплений и засек. Был и отдельный налог на выкуп из плена тех, кто стал жертвой татарских набегов («полоняничные деньги»).

Евгений ЯСИН:

Милитаризация проявлялась только в налогах?

Игорь КЛЯМКИН:

Нет, конечно. Она проявлялась и в обязательной службе дворян в обмен на землю, и в крепостном праве крестьян, и в преимущественно военной функции городов. А вот

как она сказывалась на других сферах жизни – церковной, образовательной, на характере искусства – Милюков не исследует, хотя и детально их описывает. Тут еще есть, что изучать. Милюков же, повторю, милитаристскую природу московского государства иллюстрирует, прежде всего, действовавшей в нем системой военных налогов.

Он показывает, как эта система менялась, как к прежним налогам добавлялись другие под влиянием внешних вызовов. Так московское государство отвечало на появление в Европе новых видов вооружений и соответствующих им способов организации армии. Отвечало до Петра и отвечало при Петре, взвинтившего военные расходы до такого уровня, какого даже в Московии раньше не наблюдалось. Понятно поэтому, почему Милюков к европеизму Петра относился столь сдержанно. Петровское милитаристское государство, сила которого обеспечивалась за счет еще большего ослабления общества, имело очень мало общего с европеизмом самого Павла Николаевича. Европеизмом, который в его понимании предполагал нечто прямо противоположное, а именно – *освобождение общества от государства*.

В соответствии с таким пониманием Милюков и выстраивал свою либеральную политическую стратегию. Выстраивал, выслушивая упреки в том, что стратегия эта исторически беспочвенна, что выявленный Милюковым-историком контраст между русским и европейским развитием в прошлом несовместим с декларируемым Милюковым-политиком их единообразием в будущем. Естественно, что после победы большевиков и их укрепления у власти подобные упреки получили дополнительные фактические основания. Отвечая на них, Павел Николаевич начал корректировать свою историческую концепцию, к чему его подталкивало и желание дистанцироваться от появившихся на интеллектуальной сцене евразийцев, европейскость России отрицавших в принципе. Но я не думаю, что коррекции эти следует признать удачными.

Мне не кажутся убедительными попытки Милюкова обнаружить на ранних стадиях российской истории наличие феодального быта, идентичного европейскому. Не кажется мне убедительной и его оценка России как европейской страны, своеобразие которой лишь в том, что она в наибольшей степени подверглась азиатскому влиянию. Во всяком случае, такая оценка никак не вытекает из того, что сам Милюков писал о русской истории и ее принципиальных отличиях от истории европейской раньше. Сомнительным выглядит и его обоснование европейского будущего России с помощью стадияльного подхода, хотя оно и представляет определенный интерес.

Милюков (скорее всего, под влиянием Спенсера) выделяет две фазы развития государств – военно-национальную и промышленно-правовую. При таком подходе Россия, застрявшая на первой стадии, представляет собой не альтернативу Европе, а *отставшую* в своем развитии Европу, переход которой в промышленно-правовую фазу неизбежен. Все мы, конечно, хотели бы, чтобы прогноз Павла Николаевича оказался верным. Но я все же не думаю, что уподобление военно-национальных фаз в России и Европе можно признать корректным.

В Европе эта фаза с присущей ей милитаризацией социума означала его феодальную организацию, а она, в свою очередь, предполагала то самое развитие сословий и правовых отношений, чего в России Милюков не обнаружил. Кроме того, европейская милитаризация с вхождением в Новое время осталась в прошлом, между тем как милитаризация российская, будучи по своему характеру принципиально иной, явилась, наоборот, *самобытным ответом на вызовы Нового времени* без освоения его ценностей. Так было в посломонгольской Московии и так же было в Московии советской. А между ними был длительный, не без попятных движений, период демилитаризации и европеизации страны, в конце которого заметную роль довелось сыграть и Павлу Николаевичу Милюкову.

Вот на этот европейский вектор, начало которого Павел Николаевич относил к царствованию Екатерины II, он и опирался в своей деятельности.

Евгений ЯСИН:

То есть опирался на факты реальной европеизации, имевшие место и после Екатерины...

Игорь КЛЯМКИН:

Да, причем европеизации углублявшейся, проявлявшейся в том самом освобождении общества от государства, которое Милюков ставил во главу угла. И именно поэтому я и в доэмигрантском периоде его жизни не нахожу противоречия между Милюковым-историком и Милюковым-политиком. Он не погрешил против истины, описывая российскую историю, как историю неевропейскую, и остается лишь сожалеть, что в эмиграции он занялся искусственным подтягиванием первой под вторую. Но он не погрешил против истины и в том, что в самой этой неевропейской истории,

отсчитываемой им не с Киевско-Новгородской Руси, а с ордынской и послеордынской Московии, обнаружил проявлявшиеся с XVIII века и со временем углублявшиеся европейские тенденции. Тенденции, свидетельствовавшие о потенциальной предрасположенности России *стать* Европой.

На эти тенденции и пытался опереться, их и пытался развивать Милюков-политик – с тем, чтобы превратить их в устойчивые традиции. И не его вина в том, что он пришел раньше времени. Что тенденции эти оказались слабыми, что ни русская интеллигенция, ни земства, на которые он пытался опереться, не в состоянии были стать социальными субъектами, способными противостоять новой, на сей раз советской, милитаризации государства и социума.

Милюков не дожил до того времени, когда на смену этой второй милитаризации пришла вторая демилитаризация. Когда выяснилось, что и послесталинская демилитаризация, как когда-то послепетровская, есть не столько решение главной проблемы российской истории, сколько *сама эта проблема*. Проблема перевода демилитаризованного милитаристского государства в государство конституционно-правовое при отсутствии или слабости необходимых для решения такой задачи социальных и политических субъектов. Но в такой ситуации у русских европейцев нет сегодня иного выхода, кроме возвращения к опыту предшественников и восстановления с ним преемственной связи. Опыту формирования в России европейской политической культуры и европейской политической среды, способной вывести страну из ее исторической колеи, в которой бесправие жизни по приказу чередуется с произволом не упорядоченной законом «свободы». Из колеи, которая в наши дни выглядит еще более тупиковой, чем во времена Милюкова.